

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Маповар и Добронравор

– Входи, Фрэнк...

– Да, капитан.

Шагнувший в кабинет здоровенный чернявый полицейский снял фуражку.

– Прикрой дверь, лишние уши сейчас ни к чему... – крепкий, но абсолютно седой капитан, выглядевший слишком мужественным для этого кабинета, казалось, не находил себе места от смущения. Стараясь не смотреть на подчиненного, он постоянно что-то перебирал и перекладывал на столе.

– Фрэнк, – снова начал он, – Фрэнк Димайо... Сколько лет ты служишь у нас?

– Четырнадцать, сэр.

– Четырнадцать... Ты всегда был на хорошем счету. Я любил тебя. Как раз на днях собирался замолвить словечко перед начальством насчет той должности... Но, Фрэнк, я не знаю, что теперь делать, – капитан всплеснул руками и уронил их на бумаги.

– Что случилось, капитан? – Фрэнк уже тяжело сопел от чувства вины и непонимания, в чем она состоит.

– Твой сын, Фрэнк... – капитан безвольно помотал белой головой, глядя в стол.

– Который?

– Джо. Джо Димайо. Его задержали на почте.

– На почте? Что он мог натворить на почте?

– Купил марку, – со вздохом ответил капитан.

– Марку? – Фрэнк нахмурился и посмотрел в сторону. – Надеюсь, речь не о «кислоте»?

– Нет, Фрэнк. Это была почтовая марка.

– Простите, капитан, но что тут плохого? Может, парень увлекся этой... пило... фило...

– Филателией, – подсказал капитан.

– Да! Это же отлично. А то он с нас с матерью все тянет зелень на пластинки этих дурацких групп. Ну, с гитарами.

– Фрэнк, – капитан поднял голову и серьезно посмотрел своими ярко-голубыми глазами в карие глаза сержанта, – он попросил марку, чтобы отправить письмо Лео Брежневу.

– Лео? Брежневу? – Фрэнк снова нахмурился. – Это тот поляк, который в прошлом году объявился в Остине и?..

– Нет, Фрэнк. Это главный коммунист в мире. После Мао и Фиделя. Советский президент. Смекаешь? Письмо «красным». Это тянет на шпионаж. Джо ведь давно не маленький мальчик. Это мы здесь знаем, что он в свои годы сущий ребенок, а другим на это наплевать. В пятидесятых его бы уже упекли, а тебе выдергивали в ФБР волоски из носа, – капитан энергично ткнул большим пальцем себе за плечо, словно агенты поджидали прямо за спинкой его кресла. – К счастью, с почты позвонили в полицию, и патрульные привезли его к нам. Иди и разберись. Но если это еще повторится, ты знаешь, Фрэнк, чем такое может кончиться. Это не угон тачки...

– Знаю! – воскликнул сержант и выбежал из кабинета, придерживая болтавшуюся на заду дубинку. Дверь грохнула, и жалюзи на ней жалобно защелкали.

Капитан со вздохом помотал головой, надел очки в массивной оправе и, взяв со стола какой-то документ, углубился в него, шевеля губами.

Фрэнк Димайо, мрачнее черной тучи, печатал шаг по коридору. Из-под подергивающегося козырька фуражки

метали молнии темные глаза. Он похлопывал по широкой ладони резиновой дубинкой, постепенно ускоряя темп, пытаясь угнаться за своим все быстрее бухавшим от нарастающего напряжения сердцем. Встречавшиеся коллеги останавливались, провожая его удивленными взглядами.

– Фрэнк, – ему попыталась преградить путь кудрявая женщина в униформе, державшая на согнутой руке здоровенную кипу бумаг, – ты должен заполнить...

Димайо задел ее плечом и бумаги взлетели в воздух, точно от взрыва.

– Но, Фрэнк!..

Полицейский, не замечая ничего вокруг, спешно удалялся по коридору, все быстрее и громче шлепая по ладони дубинкой. Когда он влетел в комнату для допросов, дубинка уже выбивала частую дробь.

В комнате сидел толстый полицейский и тощий чернявый парень с похожим на крупный клюв носом.

– А, Фрэнк, ну наконец-то, – проворчал полицейский и, поднявшись, принялся натягивать куртку, показывая огромные пятна пота подмышками. – Вот он.

– Спасибо, – ответил Димайо, продолжая сверлить взглядом сына, который сидел теперь повесив голову.

– Ну, я тогда пойду, – сказал, непонятно к кому обращаясь, толстяк и, не дождавись ответа, боком протиснулся мимо замершего Димайо в дверь.

Едва тот вышел, Фрэнк прекратил хлопать дубинкой и швырнул ее в сторону.

– Джо! – властно гаркнул он. Парень на стуле дернулся. – Джо Димайо!

– Да, отец, – отозвался тот.

– Снимай штаны! – приказал Фрэнк и взялся за пряжку своего ремня.

– Сегодня спагетти, дорогой, – сказала Мария Димайо, ставя в центр стола дымящуюся кастрюлю.

– Сегодня... – проворчал Фрэнк, подхватывая двумя вилками спутанные бледные спагетти и раскладывая их по протянутым со всех сторон мискам. – Хватит, хватит, Майки! Другие тоже хотят, – бросил он в сторону слишком долго маячившей, на его взгляд, тарелки. – Сегодня...

Можно подумать, вчера было что-то другое... – продолжил он, усаживаясь и тыча вилкой в свою тарелку.

Раздался металлический грохот, и все за столом вздрогнули и обернулись на звук – жена Фрэнка Димайо швырнула в раковину дуршлаг и теперь стояла, подбоченившись и сверкая глазами.

– И завтра тоже ничего нового не будет, Фрэнк! – выкрикнула она. – По крайней мере, пока ты патрульный.

– Патрульный тоже может хорошо зарабатывать... – пробубнил Фрэнк, вытряхивая на горку спагетти перед собой кетчуп из стеклянной бутылки.

– Только если он крышует сутенеров или дилеров, как делает рыжий О'Брайен!

– Ерунда, меня повысят...

– Черта с два, Фрэнк Димайо! Для этого нужно лизать задницу капитану, а ты так и не научился! Мадонна, ну почему я вышла за такого недотепа! Предупреждал же меня отец – смотри, Мария, с кем связываешься, будешь есть спагетти на первое, второе и третье!..

– Все! С меня хватит! – воскликнул Фрэнк, выскочил из-за стола и, сопровождаемый взглядами детей, прошагал через кухню к выходу. В дверях он вдруг развернулся, снова подскочил к столу, вонзил вилку в горку спагетти и, теперь уже с тарелкой в руках, гордо прошествовал вон. Один из малышей запищал, но, получив подзатыльник от матери, замолк. Вместо него заныли на все лады остальные, показывая в раззявленных ртах непрожеванное тесто. Мария без сил опустилась на табурет и, уронив голову на край раковины, зарыдала в согнутый локоть.

Фрэнк гордо промаршировал по узкому полутемному коридору, держа в одной руке тарелку, а другой надевая на плечо спущенные подтяжки. Собираясь уже было завернуть в спальню, он вдруг сбавил ход и на цыпочках вернулся к закрытой двери, из-за которой доносились звуки хард-рока. Фрэнк прислушался, склонив голову и постучал в дверь согнутым пальцем.

– Джо!

Музыка вмиг стихла.

– Да, отец! – послышалось из-за двери.

Фрэнк тут же вошел.

Сын уже стоял посреди крохотной увешанной плакатами рок-групп комнатушки и расстегивал штаны.

Фрэнк остановил его жестом.

– Сынок... – произнес он, садясь на низкий, застеленный рваным клетчатым пледом диван. – На-ка вот, поешь.

Джо сел рядом, подтянул ноги и, взяв у отца тарелку, пристроил ее между худых колен.

– Мать говорит, я неудачник. Что только на спагетти и могу заработать...

– Спасибо, папа. Вкусно, – сказал Джо, запихивая в рот остывшие спагетти с кетчупом.

– Кушай, кушай... А ведь в жизни ничего не добьешься, если не будешь воровать или пресмыкаться.

– Угу, – Джо кивнул, еще сильнее склоняясь над тарелкой. Он жевал, и уши, за которые были заправлены длинные черные космы, шевелились в такт челюстям.

– А ведь я не такой. И ты, Джо Димайо, не такой, я знаю. Ты – такой, как я, – Фрэнк приобнял сына за костлявые плечи. – Только тощеват. Ты извини, что я тебя выпорол... И без обеда оставил.

– Да ничего, – ответил Джо, продолжая уплетать обед. – Я же понимаю.

– Но даже мне приходится подстраиваться под всех. И тебе придется, пойми. Ни в одной стране мира тебе просто так и спагетти-то не наложат.

– Наложат, – пробубнил набитым ртом Джо.

– Что? – Фрэнк вздрогнул, выныривая из своих мыслей. – Что ты сказал?

– Есть такая страна, где макароны и вермишель дают просто так, – сказал его сын, ставя тарелку на пол и вытирая рот рукой. – И лапшу.

– Это какая ж такая страна? – Фрэнк прищурился, как обычно делал, когда разговаривал, например, с завравшейся проституткой. – Макарония? Вермишелия?

– СССР – Союз Советских Социалистических Республик, – ответил Джо.

– Опять ты за свое? Я всегда знал, что эта школа до добра не доведет! Откуда ты этого понабрался?

– Мне Тони рассказал, – ответил Джо, потупившись.

– Сынок, да у Тони отец – мафиозо! Проклятые сицилийцы! Они все там «красные»!

– Отец, в СССР все по справедливости!
– Но они же хотят сбросить на нас атомную бомбу!
– Это потому, что мы все друг друга боимся! Вот я и хотел объяснить мистеру Брежневу, что не все в Америке боятся России. Что мы знаем, что они сильные, но ведь и мы сильные. И нужно нам дружить. И если какой-то враг нам будет грозить, то мы вместе его одолеем. Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет!..

– Подожди-подожди... – замерший на время этого неожиданного спича Фрэнк помотал головой. – Так откуда же возьмется такой враг, если США с СССР дружить будут?

– Из космоса, конечно. Инопланетяне. Это же война миров, папа...

Фрэнк вздрогнул и, посмотрев в уверенные глаза Джо, понял, что этот ответ у сына был готов давно.

– Что ж, я вижу, ты все обдумал. Где это твое письмо?

– Ваши отняли... – Джо снова свесил нос.

– Так садись и пиши!..

...Джо сидел, низко склонившись над шатким столом, заваленным скомканной бумагой, и водил простым карандашом, иногда машинально отправляя грифель в рот, отчего на нижней губе появилось похожее на кровоподтек пятно. Периодически он поднимал голову, откидывая упавшие на лицо черные волосы и смотрел на вышагивавшего по комнате отца. Димайо-старший раскраснелся, спущенные его подтяжки снова болтались у колен, он то и дело утолял жажду из пивной банки.

– Нет, так нельзя – «давайте вместе дружить и ездить друг к другу». Мэ-мэ, бэ-бэ... Нужно, Джо, круче как-то сказать. Вот у нас во дворе был Бобби. Он как, бывало, сказанет – так все и охренеют.

Фрэнк отхлебнул из банки, вытер губы волосатой рукой и, мечтательно глядя в угол, где проступало на потолке желтое пятно, заговорил:

– Эх, товарищ Брежнев, да надо ж нам бы жить красиво. Эх, да раздольно, – Джо с удвоенной энергией зашуршал карандашом по бумаге, спеша записать слова отца. – Сила духа нам нужна да сила воли.

Фрэнк посмотрел на Джо.

– Эх, хиловат ты у меня. Так войну миров не выиграешь... – Джо шмыгнул в ответ носом. – Да и соображаловка того... На почту поперся письмо русским отправлять. Тут по-другому как-то надо... Ладно, придумаем.

Его прервал осторожный стук в дверь.

– Да!

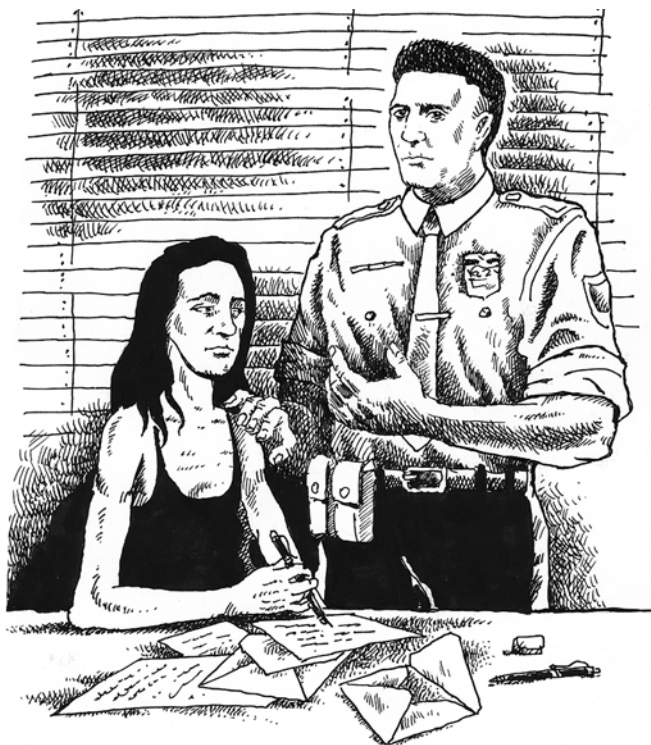
– Фрэнк... – послышался смиренный голос жены. – Ты ведь не делаешь ничего плохого с нашим мальчиком?

– Нет, мам, все в порядке, – воскликнул в ответ Джо.

– Фрэнк, иди спать, а? Уже четыре утра.

– Не мешай нам, Мария! Мы пишем письмо! – рявкнул Фрэнк.

– «Пишете»? «Письмо»?.. – из-за двери послышались сдавленные рыдания.

– Интересное письмо. Очень интересное.
– Я бы сказал, нестандартное. Такого еще не было: американец пишет письмо главе Советского Союза.

– Провокация?

– Возможно. Но на что нас провоцируют?

– М-да, сразу и не поймешь... Все, вроде, гладко. «Надо нам с вами жить раздольно, красиво... Нужно помочь другу в беде, отстоять в борьбе дело правое... Наша сила – в силе духа и в силе воли...» Это кто, вообще, переводил?

– Из четвертого отдела ребята.

– А-а... Прямо поэзия какая-то. Прямо Николай Добронравов с Александрой Пахмутовой. Да, очень уж правильные слова. Слишком. Чересчур даже. С чего бы?.. Судя по почерку в оригинале, писал ребенок. «Джо Димайо, Оберн, штат Нью-Йорк»... А был ли мальчик – вот в чем вопрос?..

– Так, может, это и вправду крик души? Обезоруживающая детская искренность? Подростковый максимализм – можем мы такое допустить?

– Возможно, возможно... Вот что мы сделаем. Мы ответим на вызов. Если это провокация американцев, они ждут, что мы растеряемся и смолчим. А мы наоборот – письмо этого Джо в центральной прессе пропечатаем!..

– В прессе?!

– В прессе. Ни у кого после такого язык не повернется сказать, что зарубежный ребенок протянул СССР руку дружбы, а мы ему, дескать, по рукам. Напротив, мы всегда рады мирной инициативе. Если мальчишка на самом деле существует, мы из этого такое раздуем. Что, мол, взрослые в Белом доме да в Пентагоне ничего не понимают, а простой Джо Димайо знает, что СССР – оплот мира.

– Потрясающе!

– Учись. Все, звони в «Правду».

– Слушаюсь!

Подтянутый молодой человек перегнулся через широкий стол, приняв от своего начальника отпечатанный на машинке перевод с подколотым к нему оригиналом письма, сложил бумаги в папку и поспешил покинуть кабинет.

– Коля, вчера опять звонили из Олимпийского комитета.

Женщина со взъерошенной копной светлых волос и в длинной ночной рубашке села в постели, нашаривая миниатюрными ступнями пушистые тапочки.

– М-м-м... – произнес в подушку мужчина, до носа укрытый одеялом.

– Надо поторопиться, Коля. Одна песня всего осталась. Коля!

Ответа не последовало. Женщина обернулась и увидела, что ее спутник снова провалился в сон, натянув одеяло до лысеющей макушки.

Женщина встала и, скинув тапочки, на цыпочках подкралась к стоявшему у задернутого тюлем светлеющего окна роялю. Подойдя к нему с тыльной стороны, она уперлась плечом в черное лаковое дерево и поднатужилась. Рояль бесшумно пошел на роликах по ковру. Остановив инструмент у постели, женщина подняла крышку-крыло, подставив под нее подпорку. Подкатила высоко вывинченный, точно для ребенка, круглый табурет и ловко вскарабкалась на него, открыла крышку над клавиатурой. Еще несколько секунд она смотрела на поблескивавшие в утреннем полумраке черные и белые клавиши, разминая пальцы, и наконец взяла первый аккорд тревожного вступления.

Человек в постели заворочался, женщина нагнулась в сторону и запела над его ухом, постепенно набирая громкость к последней строке:

*Видишь, товарищ, заря поднимается...
Вновь за работу народ принимается...
Там, где труднее и круче пути,
Гайдар шагает впереди!..*

Коля сел, в ужасе вращая спросонья глазами. Женщина звонко повторила рефрен:

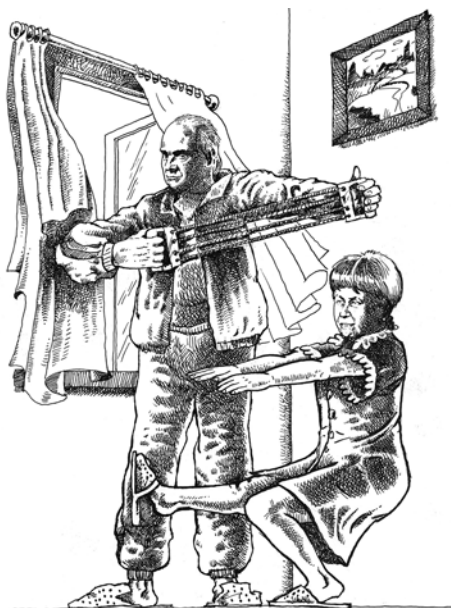
Гайдар шагает впереди!..

– Аля!.. Умоляю! – простонал Коля, пытаясь снова завалиться набок.

Аля спрыгнула на пол и потянула его за руку, заставляя подняться.

– Давай-давай, вставай-вставай, Николай Николаевич, вновь за работу народ принимается!

Она, маленькая и резвая, и он, высокий и вялый, в полосатой своей пижаме, оказались в центре комнаты и принялись делать гимнастические махи руками.

– Я говорю, из Олимпийского комитета звонили. Одной песни не хватает... – производя энергичные движения, продолжала женщина. – Для фильма.

– Для какого фильма?.. – переходя к бегу на месте и сразу же начиная задыхаться, спросил Николай Николаевич.

– «Баллада о спорте». Про прошлогоднюю Спартакиаду народов СССР.

– А Олимпийский комитет тут причем?

– Сначала Спартакиада-79, а уж потом Олимпиада-80. А сейчас песня нужна для фильма. Озеров уже берет у нас «Город нашей славы» слевой, «Темп» с Софочкой...

– А может, «Темп» лучше пусть этот кудрявый споет? Как его... Валера Леонтьин?

– Леонтьев, – поправила Аля. – Рано ему пока. Так, «Команда молодости нашей» с Люсей, «Мне с детства снилась высота» с Сережей Беликовым.

– Это из «Самоцветов»?

– Нет, из «Аракса», светленький такой.
– А-а... А, может, Градского опять?
– Да ну его, – Аля махнула рукой. – Ну вот, «Стадион моей мечты» с Муслимом, «Да разве сердце позабудет» с Эдиком Хилем.

– А Иосиф? – спросил Коля, с трудом растягивая эспандер с синими резинками.

– Ой, забыла. Конечно, как же без него – «Марафон». И еще одной не хватает. Режиссер говорит, нужно что-то мощное. Так что надо, Коля, надо. После завтрака – садись за текст, а я быстро под тебя подстроюсь. Но сначала переходим к водным процедурам! – хлопнув в ладоши, воскликнула Аля и побежала в ванную.

После завтрака, состоявшего из яичницы с поджаренной докторской колбасой и разведенного сгущенного кофе с сахаром, супруги снова собрались у рояля.

Аля сразу же с энергией вступила.

*Главное, ребята, – сердцем не стареть!
Песню, что придумали, до конца допеть!..*

– Да не придумали еще ничего... – буркнул Коля.

– Так думай! А то Долматовского помочь попрошу, – Аля погрозила пальцем и продолжила наигрывать что-то бодрое.

– Так я и думаю! – ответил Коля, озадаченно глядя себя круговыми движениями по голому темени. – Долматовского... «Пахмутова – Долматовский» – не звучит. «Музыка Александры Пахмутовой, слова Николая Добронравова» – это звучит.

– Николай, сочини, пожалуйста, а?

– Да темы нет, темы!

– Ну, в газете поищи как обычно. От Озерова же скоро звонить будут!..

Добронравов схватил с журнального столика газету и принялся ее листать, едва не разрывая на части.

– «...центнеров зерна», «...кубометров стали», «...советского балета», «...мирных инициатив», «...на орбитальную станцию», – ворчал он, с шумом переворачивая просторные страницы.

– Спорт, нужен спорт, – подсказала из-за рояля Пахмутова.

*Мы верим твердо в героев спорта!
Нам победа как воздух нужна...*

– Что ты там притих, Николай Николаевич?

– «Нужно нам жить красиво, раздольно, мистер Брежнев», – пробормотал Добронравов, углубившись в какую-то заметку.

– Что?

– Да вот письмо...

– Тебе письмо? Так пляши!

– Нам всем письмо. Всему советскому народу и лично Леониду Ильичу. Все и пляшем.

– А от кого?

– От «американского подростка Джо Димайо», – сверился с подписью в газете Николай Николаевич.

– Что же он пишет?

– Пишет, что «нужно другу помогать», чтобы «победить, если понадобится, силу силой», чтобы «спасти мир»... Пахмутова снова принялась играть и петь.

*На улице Мира о мире тревога,
У мира надежных защитников много...*

– Да подожди, Аля...

Добронравов подошел к окну, отдернул тюль и смогрел теперь на проснувшуюся Москву. Где-то там, за океаном, была далекая Америка.

– Эх, и правда ведь, надобно нам жить красиво... Эх, да надо нам жить раздольно... – он вдруг резко развернулся. – Ну-ка, Аля, давай! Давай-давай-давай! Пошло, кажется. Давай: «Эх-да-на-до-нам-жить-кра-си-во!» – Добронравов произносил фразу размеренно, покачиваясь из стороны в сторону на каждый слог и прихлопывая в ладони. Пахмутова кивала в такт, внимательно следя за движением губ Добронравова и беря враскачку аккорды. – «Эх-да-на-до-нам-жить-раздольно!» – в заключение фразы Добронравов вдруг пронзительно свистнул. Его супруга вздрогнула, выходя из транса.

– Ты что, Коля?!
– Что?
– Что это было?
– Песня наша новая. Для Олимпи... для Спартакиады.
– Ну, ты что?! – Александра Николаевна соскользнула с табурета и, подбоченившись, взирала теперь на мужа снизу вверх, выглядя при этом почему-то довольно грозно. – Что это за «эх»? Чего ты добиваешься? Такого, что ли?
Она пошла вприсядку, вскидывая крепенькие босые ступни и припевая:

*Эх, да надо нам жить красиво!
Эх, да надо нам жить раздольно!
Трим-трим-трим!
Трям-трям-трям, блям-блям-блям!..*

– Сила духа и сила воли... – в такт закончил Добронравов. Пахмутова остановилась, взирая на него с укоризной. Он пожал плечами. – Не знаю, Аля, ты же сама хотела чего-то русского всегда, в народном духе...

– Но не в этот раз, Коля! – воскликнула Пахмутова. – Я же впервые на этом фильме с электромузыкальными инструментами работаю. У меня барабанщик там эстрадный. Понимаешь? Электрогитары, синтезатор! Ребята все молодые. Стасик Намин. Они меня уже уважают, за свою почти приняли, «Пинк Флойд» последний послушать дали. А тут «Сударыня-барыня» какая-то. Как я им в глаза смотреть буду? Вот кто это должен петь? Гуляев, Богатиков? Ты представь, что получится.

– А вот пусть Стасик твой и споет с ребятами, – Добронравов махнул рукой.

– А что это за спорт такой «красивый» да «раздольный», скажи на милость? Городки?

– Зачем же сразу городки? Что-нибудь героическое. Метание копья, меча... мяча... Какая разница? Что-нибудь богатырское.

Пахмутова со вздохом взобралась на табурет, попробовала вступить в разных тональностях, потом кивнула мужу, и они вместе запели:

Эх, да надо нам жить красиво!

Добронравов снова свистнул.

Эх, да надо нам жить раздольно!

Раздался требовательный стук чего-то металлического по трубе отопления. Супруги переглянулись и про-должили на тон ниже:

Богатырская наша сила...

– Что это значит, Фрэнк?

Капитан, не пытаясь скрыть досады, шлепнул о стол какой-то газетой. Сидевший перед ним Димайо-старший взял ее и положил обратно.

– Какая-то иностранная газета, сэр.

– Ты на удивление проницателен, Фрэнк! И почему мы тебя сразу не взяли в детективы, не пойму. Именно что – «иностранная». Я тебе скажу больше – советская! «Красная»! И морда у начальника управления, когда он тряс перед моим носом этой русской подтиркой, тоже была красная! И я стоял красный, как пернувший в церкви школьник, твою мать, Фрэнк! Ты знаешь, что здесь написано?

– Откуда же мне знать, капитан? Я же не читаю по-советски!..

Капитан пронзил Фрэнка испытующим взглядом своих льдистых глаз и, сочтя, судя по всему, ответ подчиненного убедительным, кивнул головой.

– Я тоже не знаю русского, и начальник управления тоже, но нам, видишь ли, было кому перевести. Так вот, здесь, – капитан постучал хорошо вымытым узловатым пальцем в центре газетного листа рядом с фотографией улыбавшегося чумазого литейщика, – напечатано письмо некоего Джо Димайо, и даже моя задница понимает, что речь идет о твоём остолопе, Фрэнк. Русские объявили его «маленьким посланцем мира» и даже приглашают его на свою Олимпиаду. А наш президент, между прочим, рекомендовал спортсменам ее бойкотировать, если ты не знал.

Фрэнк ничего не отвечал, лишь играл желваками. Капитан пристально изучал его бесстрастное лицо.

– Меня только интересует, как он все-таки умудрился отправить свое письмо. Я надеюсь, ты не помог ему, воспользовавшись нашим служебным почтовым каналом?

На этот раз Фрэнк покраснел и отвел глаза.

– Я так и думал, – проронил капитан через секунду. – Оружие и значок на стол.

Фрэнк побледнел, встал и принялся расстегивать ремень.

– Где твой щенок? – рявкнул капитан, глядя на сержанта снизу из-за стола.

– Джо вам не достать, – глухо ответил Фрэнк.

– Нет смысла геройствовать. Мы знаем, что он в Европе на гастролях с этими... как их... Black Sabbath. Подумать только, Фрэнк, твой сын устроился пиротехником в шайку адских скоморохов. Ничего не скажешь, отличное занятие в его годы – петарды взрывать. Позвони ему, скажи: пусть возвращается, – капитан подвинул вперед телефонный аппарат со звездой шерифа в центре наборного диска. – Так всем будет лучше...

– Капитан, вы делаете ошибку. Нам угрожают из космоса. Звездные войны не за горами. Одним нам не справиться. Джо хотел убедить русских сотрудничать с нами... – вдруг горячо заговорил Фрэнк, сверкая глазами.

– Эх, Фрэнк, Фрэнк... Я вижу, тебе и самому пора подлечиться. И что только с людьми делает коммунистическая зараза, – капитан покачал головой и продолжил чужим голосом. – Фрэнк Димайо, вы обвиняетесь в использовании служебного положения в интересах потенциального врага. Можете сохранять молчание, все сказанное будет использовано против вас, вы имеете право на один телефонный звонок, адвоката, бла-бла-бла и все такое – короче, сам знаешь. Эй, там!

На пороге кабинета тут же возник молодой полицейский.

– Отведите этого в камеру.

– Вы делаете ошибку, – потупившись, повторил Фрэнк, пока ему застегивали на запястьях наручники.

Капитан устало махнул рукой и откинулся в кресле. Мощная спина Фрэнка Димайо со сцепленными на поясище руками исчезла за дверью. Хлипкие жалюзи вздрогнули.

Джо Димайо положил трубку, медленно погрузился в глубокое сферическое кресло и, опустив лицо в ладони, зарыдал.

– Что случилось, парень? – спросил, положив руку на его трясущееся узкое плечо, похожий на добродушного пуделя молодой черноусый мужчина. – Тебя, вроде, папаша к телефону звал?

– Да, Тони... – всхлипывая, выдавил из себя Джо. – Это был он... Из полиции...

– Ну, так он, вроде, у тебя полицейский, нет?

– Они его арестовали...

– Опа! Попер коп на копа? – вступил сидевший в стороне и ритмично пощелкивавший барабанными палочками по своим затянутым в черную кожу ляжкам тип – тоже лохматый и усатый, как и его приятель.

– Кончай шутить, Билли. Тут у парня, вроде, конкретные проблемы, – урезонил его Тони. – Короче, Джо, в чем там дело?

– В общем, – начал Димайо, вытирая нос рукавом, – в общем, мы с отцом Брежневу написали, что нужно дружить и готовиться к войне против инопланетян. Ну, как в звездных войнах, – он поднял лицо в красных пятнах, и Тони понимающе кивнул. – Вот... А русские обрадовались, письмо в газете напечатали и меня на Олимпиаду в Москву пригласили, – Тони опять кивнул, хотя на этот раз Джо на него и не смотрел. – А наши это прочли и отца за шпионаж забрали... Вот... А у нас там в Оберне вообще круто, в полиции звери. И вообще там самая первая в истории казнь на электрическом стуле была... В девятнадцатом веке еще...

– Йе-а-а! Круто! – не выдержав, воскликнул из своего угла Билл и выбил палочками хлесткую дробь.

Тони строго посмотрел на него, и тот снова притих.

– Да, парень, абсурд полный. Олимпиада, инопланетяне, русские, электростул... Клевая песня могла бы выйти, жаль, Оззи сейчас не с нами, он такие штуки любил...

Димайо снова спрятал в ладонях лицо и затрясся.

– Подожди, подожди. Хватит реветь, ты уже большой мальчик... Билли, хорош хлестать перед концертом, – бро-

сил Тони, не оборачиваясь. – Уволю.

– Да я сам уйду... – проворчал Билл, убирая бутылку с виски.

– Та-ак... – сказал в задумчивости Тони, ненадолго вперившись в потолок. – Все, родил! – Джо уставился на него полными надежды глазами, с кончика орлиного носа свисала прозрачная капля.

– Правда?..

– Короче, в середине июня мы в Гамбурге. Потом еще несколько концертов здесь, в Англии, и оттуда летим к вам в Америку.

Джо вздрогнул.

– ...Но ты не поедешь, а то тебе кранты.

Джо икнул и согласно затряс головой. Тони продолжал:

– Перекантуешься у наших фэнов в ФРГ. А потом через Восточный Берлин сразу на Олимпиаду свою поедешь. Мы в Штатах переговорим там, с кем следует, – есть там у нас поклонники при всех делах, замолвим за вас с отцом словечко. Сможешь потом нормально вернуться, думаю.

– Правда?.. – снова переспросил Джо и, шмыгнув носом, слабо улыбнулся.

Тони возложил ему на плечо вытянутую руку, точно магистр ордена – меч посвящаемому в рыцари, и собрался, судя по всему, произнести нечто высокопарное, однако тут за его спиной распахнулась дверь, и в гримерку заглянул похожий на средневекового шута косматый, с намекающей лысиной человек ростом с Пахмутову.

– Чуваки, – сказал он, быстро оглядев всех безумными глазами. – Я не понял, мы на сцену идем? Уже концерт начинается.

– Сейчас, Ронни, – отозвался Тони. – Билли, пошли, – скомандовал он. – Джо, чтоб сегодня с дымом и хлопушками все там в порядке было, усек? – Джо снова изо всех сил затряс в ответ головой. – Чтоб небеса пополам с адом!..

И они гурьбой поспешили из гримерки навстречу доносившемуся издали гулу толпы.

– На помост вызывается Султан Рахманов, Советский Союз! – объявил диктор, и на трибунах зааплодировали.

Джо тоже захопал. Он провел в Москве уже несколько дней. Небольшая заминка возникла лишь в аэропорту по прибытии. Его сразу отделили от спортсменов из ГДР, с которыми он летел, и провели в отдельную комнату. Вскоре сюда пришли какие-то двое в плащах, и сидевший до этого с безразличным видом человек в синей форме тут же вскочил, чтобы отдать им честь. Они долго выпрашивали у Джо через переводчика, точно ли он именно Джо Димайо и уверен ли, что у него нет «младшего братика» с таким же именем. Потом тот, что помоложе, достал из папки какой-то листок и спросил, знаком ли он Джо. Джо с удивлением узнал то самое письмо Брежневу, что они писали с отцом в их доме в Оберне. С него-то все и началось. Слезы навернулись на его глаза. Мужчины в плащах переглянулись, они явно были взволнованны. Один сказал: «ОН!» Другой что-то вроде: «PIZDETS!» Переводчик переводить этого не стал. Они какое-то время пошептались между собой, то и дело поглядывая на Джо, а потом, отдав какие-то распоряжения переводчику, простились с Джо жестами и поспешно уехали. В комнате все расслабились.

Больше этих людей Джо не видел и прекрасно проводил время. Каждое утро переводчик забирал Джо из гостиницы в Олимпийской деревне, и черная «Волга» везла их в город. Его водили на Красную площадь послушать, как бьют большие часы на башне. В огромном детском магазине кормили вкусным жирным мороженым в хрустящем стаканчике, а в маленьком стеклянном кафе на берегу реки неподалеку от Кремля – продолговатыми поджаристыми пирожками.

И, конечно, он часто бывал на олимпийских соревнованиях. Раньше он практически не интересовался спортом, но теперь, наблюдая за бегунами с препятствиями и без, метателями диска и молота, прыгунами в высоту и в длину, боксерами разных весовых категорий, Джо чувствовал, что в теле его просыпается какое-то неясное томление. Крутило кости, ныли хилые мышцы, пробегали по

коже мурашки. «Может, грипп?» – раскидывал мозгами Джо. Но никакие иные симптомы не проявлялись, и он решил просто внимательнее следить за собой.

– У нас есть билеты на тяжелую атлетику, – сообщил сегодня утром переводчик. – Или поедем в ресторан?

– Конечно, атлетика! – широко улыбнувшись, сказал Джо и в который раз удивился происходящим с ним переменам.

Переводчик поправил очки и, пожав плечами, пригласил его на выход.

Тяжелая атлетика Джо очень понравилась. Когда один из спортсменов в первый раз с тяжким звоном опустил на помост штангу, он вздрогнул от неожиданности, но вскоре уже не обращал внимания на этот звук. Джо заворуженно следил за мощными мужчинами в открытых борцовских трико. Один за другим выходили они под взгляды тысяч зрителей. Не торопясь, пудрили себе кисти рук и под мышками каким-то белым порошком из овальной емкости на ножке и поднимались на помост, не зная еще, сойдут они с него с победой или с поражением. Некоторые поднимали штангу сразу с пола рывком, другие сначала садились, держа ее на уровне плеч и готовясь к толчку. Мышцы их пузырились, блестящие от пота лица искажали гримасы. Кому-то везло, и он поднимал сверкающее железо над головой, кто-то сдавался раньше.

Как объяснил Джо то и дело отлучавшийся в буфет и возвращавшийся все в более приподнятом состоянии духа переводчик, наибольшие надежды возлагались на советского штангиста Алексеева. Однако тот по какой-то причине трижды не сумел взять начальный вес в 180 килограммов и выбыл из соревнований.

– Отравили, – с досадой прокомментировал переводчик и снова убежал.

Следующим претендентом был немец Юрген, с которым Джо летел в самолете из Берлина. Он показал неплохой результат, но все ждали кого-то другого. Когда дикторы продублировали на английском объявление выхода Султана Рахманова, Джо увидел этого мускулистого гиганта в белом трико. Со своей диковатой черной гривой он напомнил Джо древнего воина из комиксов. Рахманов

уже рванул 195 килограммов, а теперь ему предстояла попытка толкнуть 245.

Султан поднялся на помост, потряс руками, расслабляя их, наклонился вперед, берясь за гриф, и вдруг быстрым легким движением принял штангу на грудь. Зал затих, все подалось вперед, и Джо тоже почувствовал, что привстал со своего места.

Рахманов, напротив, теперь сидел. Лицо его побагровело, он зажмурил глаза, несколько раз набрал полные

щеки воздуха и с шумом его выпустил.

«Ну же, давай!» – вспыхнуло в голове у Джо.

И тут же, звучно крикнув в тишине зала, Рахманов приподнялся, делая выпад вперед и одновременно вздымая тяжкий груз от груди вверх. В следующий миг он поднялся на обе ноги, держа над головой 245 килограммов стали.

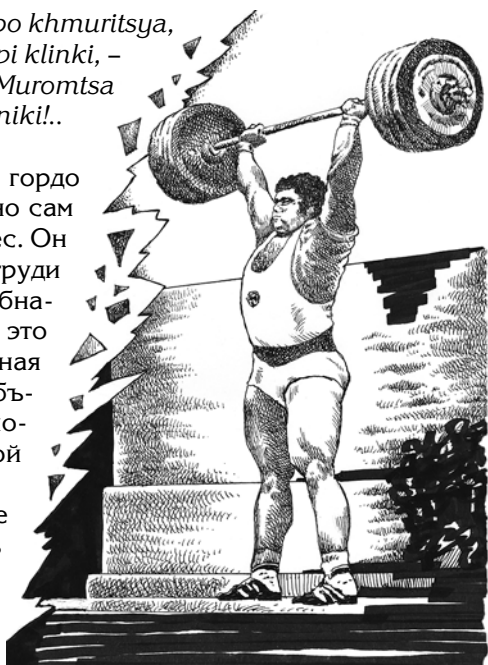
Публика ахнула, Рахманов грохнул штангой об пол. Зал сразу же заполнился звуками победы. Диктор говорил на разных языках, что-то кричали друг другу болельщики, внизу все поздравляли победителя. Зазвучала какая-то удалая музыка с необычным, странным для уха Джо наигрышем. Вступление завораживало, заставляло поднять подбородок и расправить плечи. Вступили мужские голоса, певшие на русском – языке, который Джо Димаёв в последние дни так часто слышал. Он не понимал ни слова, но четко различал каждый звук.

*To ne groznoye nebo khmuritsya,
Ne sverkayut v stepi klinki, –
Eto batyushki Ilyi Muromtsa
Vyshli bitsya ucheniki!..*

Джо стоял, гордо подняв нос, словно сам взял рекордный вес. Он скрестил руки на груди и с удивлением обнаружил, что сделал это с трудом – грудная клетка его стала объемнее, ребра покрыл слой упругой плоти.

А невидимые певцы добрались тем временем до припева. Он был еще более заводным, чем куплет.

Ритм пошел враскачку, и Джо, не имея ни сил, ни желания сопротивляться, теперь жадно ловил не только каждый звук, но и каждое заложенное в музыкальном рисунке движение.

*Ekh, da nadobno zhit krasivo,
Ekh, da nado nam zhit razdolno!
Bogatyrskaya nasha sila –
Sila dukha i sila voli...*

Джо почувствовал, что кровь быстрее побежала по жилам, лицо его покраснелось, точно на ветру, и тем же неведомым ветром растрепало его волосы. Мускулы плеч толстыми веревками заворочались под кожей, подбираясь и натягиваясь, увлекая за собой и мышцы всего тела от шеи до ног. Джо вдруг понял, что знает все их поименно – бицепсы, трицепсы, двуглавую, дельтовидную, поясничные, ягодичные, икроножные, голеностопные... Откуда

ему это было известно, задумываться он не хотел. Он просто чувствовал на губах вкус победы. Джо услышал легкий треск и, оглядев себя, заметил, что одежда местами лопнула по швам, и сквозь прорехи теперь было видно налитое бронзовое тело. Он улыбнулся и снова гордо поднял голову с развевающимися, точно у стоящего на носу боевой ладьи викинга, волосами, внимая звукам своего неожиданно обретенного гимна.

*Bogatyrskoye nashe pravilo –
Nado drugu v bede pomoch,
Ostoyat v borbe delo pravoye,
Siloy silushku prevozmoch.*

Добронравов с Пахмутовой стояли на трибуне и, как и все остальные, аплодировали победе Султана Рахманова из Днепропетровска. Александра Николаевна даже подпрыгивала, отбивая ладошами ритм звучащей «Богатырской нашей силы». Николай Николаевич, как всегда, когда при таком стечении народа звучала их с Алей песня, смущался и не знал, куда девать глаза. Будь он один, никто, кроме близких знакомых, и не обратил бы на него внимания, но Пахмутова была хорошо известна, потому что ее часто показывали аккомпанирующей на рояле, когда Кобзон, или Магомаев, или детский хор Попова исполняли какую-нибудь из ее композиций. Так что и теперь на нее то и дело кто-нибудь тарашился, а Добронравову хотелось спрятать глаза.

В какой-то момент, бесцельно обшаривая взглядом зал, Николай Николаевич наткнулся на странного типа неподалеку. Молодой человек, настолько тощий, что одежда болталась на нем, как на вешалке, стоял, опершись на поручень перед собой и уставившись на спортивную арену. Добронравов боялся ошибиться, но ему показалось, что на кончике длинного носа этого типа то и дело появлялась блестящая капля.

«М-да... Тот еще богатырь», – подумал Добронравов и отвернулся, стараясь сосредоточиться на словах песни, чтобы найти какой-нибудь изъян, который можно было бы исправить при следующей записи.

*Эх, да надобно жить красиво,
Эх, да надо нам жить раздольно!
Богатырская наша сила.
Сила духа и сила воли!..*

Песня закончилась, и диктор что-то сказал, не переведя на английский. Продолжавший пылать огнем Джо уловил из его речи лишь одно слово. Слово это поразило его не меньше самой песни. Оно звучало как таинственное заклинание. В нем слышались грозное рычание зверя и рокот перекатывавших в прибое огромные камни северных морских волн. Димайо с благоговением произнес это слово, пробуя его на вкус:

– Dobronravor... Dobr-r-rong-r-ravor-r-r...

Теперь он ясно видел свое будущее. Он вернется на родину. Он освободит отца. Он будет качаться и станет мощным, как скала, и крепким, как сталь. И он найдет таких же парней. Они будут играть музыку, которая сметет все на своем пути. И однажды она достигнет такой же мощи, как та, которую Джо Димайо только что услышал. И он победит любого, кто встанет на его пути – на Земле и в космосе.

Ведь он воин. Он – Мановаг.

